
О ТВОРЧЕСКИХ ТЕТРАДЯХ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

ТАТЬЯНА ГЕВОРКЯН (Москва)

Как известно, архив М.И. Цветаевой, по распоряжению ее дочери Ариадны Эфрон, был закрыт до 2000 года. Около этого срока непрерывной чередой, возвещая новый этап возвращения поэта к читательской аудитории, стали издаваться, по преимуществу трудами Елены Коркиной, извлеченные из архива письма членов цветаевской семьи и ее окружения («Семья: история в письмах», 1999); «Записные книжки» Цветаевой (2000–2001), составившие два тома; письма к Константину Родзевичу (2001); переписка с Николаем Гронским (2003); переписка с Борисом Пастернаком, включающая письма Цветаевой, считавшиеся безвозвратно пропавшими, но восстановленные по тетрадным черновикам (2004); «Дневники» сына Цветаевой Георгия Эфрона (2007), два полновесных тома которых заняли законное свое место среди новых и старых изданий его матери. К ним неожиданно добавилась небольшая, но совершенно бесценная пачка писем к Наталье Гайдукевич, чудом восставшая из пепла, точнее – из чердачной пыли старого дома в Вильнюсе, и изданная (2002) при активном содействии Льва Мнухина.

Сегодня, когда пришел черед изданию черновых тетрадей Цветаевой, стоит вспомнить и особо отметить, что начался этот поток архивных публикаций с самой, пожалуй, заветной книги из серии «Неизданное». Случилось это несколько раньше – в 1997 году: именно тогда были изданы «Сводные тетради» Цветаевой. Что они из себя представляют? Это большой свод выписок из записных книжек, дневников и черновых тетрадей, которые стала делать Цветаева в 1932 году, поняв, что возвращения в Россию ей, жене Сергея Эфрона, активно занявшегося и к этому времени уже сильно продвинувшегося в своей просоветской деятельности, скорее всего, не избежать. Брать с собой все рукописи не представлялось возможным по разным, в первую очередь – политическим причинам. Желание сохранить то, что не вошло в опубликованные тексты, а также черновики писем, бытовые записи, варианты строк и строф, попутные мысли, нереализованные творческие замыслы, планы разворачивания той или иной темы было столь велико, что в 1932–1933-м, а затем с большим временным перерывом, в 1938–1939 гг. (то есть в самом преддверии неминуемого уже отъезда из Франции), Цветаева создала целый рукописный том, который в типографском наборе, осуществленном спустя шестьдесят лет, насчитывает 544 (!) страницы «Сводных тетрадей».

Этот небольшой экскурс в историю помогает лучше понять, чем были для Цветаевой ее рабочие тетради, как дорожила она ими, насколько сильным было ее желание донести до будущего читателя всё ее рукой написанное. А в том, что после ее смерти будет напечатано *всё*, насколько не сомневалась. Об этом одна из переписанных записей, относящаяся к 1925 году: «Ведь всё равно, когда я умру – всё будет напечатано! Каждая строчечка, как Аля (дочь Цветаевой Ариадна. – Т.Г.) говорит: каждая хвисточка. Так чего же ломаетесь <...> ? Или вам вместо простой славы <...> непременно нужна сенсация смерти? Вместо меня у *стола* непременно – я на столе? (И это – напечатаете!)»¹. Так что ее делом было сохранить, и она прикладывала к этому своего рода беспрецедентные усилия.

Но, может быть, сделанного ею вполне достаточно, и нет необходимости издавать черновые тетради целиком? Будучи не понаслышке знакома с цветаевским архивом, хранящимся в РГАЛИ, со всею убежденностью могу сказать: еще как стоит. И вот почему.

Во-первых, Цветаева сохранила и привезла с собой на родину не только выписки, но и сами тетради. Во всяком случае, те из них, которые подлежали ввозу в *советскую* Россию. (Об остальных тоже позаботилась: отдала в доверенные, надежные руки, будь то частные руки или, так сказать, институциональные.) Значит, дорожила ими ничуть не меньше, чем раньше, что и понятно, ибо каждая тетрадь отражала, точнее – вобрала, целый кусок ее жизни. Не случайно всякий раз аккуратно проставляла даты начала и конца работы. И не только даты, но и обстоятельства, и «географию» дня и часа. Например, так:

«Прага. Горние Мокропсы.

(Черная, без блеску, формат книги, а не тетради, толстая.)

Тетрадь начата 10-го нового мая 1923 г. в День Вознесения, в Чехии, в Горних Мокропсах, – ровно в полдень. (Бьет на колокольне.)»².

Или так:

«Вторая черновая Молодца.

(Черная средней толщины, без наклейки) <...>

(Тетрадь подарена Сережей 1/14 ноября 1922 г. в Чехии, в Горних Мокропсах, близь Праги. Начата 2/15 ноября 1922 г., в день рождения моей матери. Ей сейчас было бы 53 года. Сейчас, когда переписываю – почти 63 г.)»³.

А иногда и прощалась с тетрадью, как с живой свидетельницей трудов и дней: «Тетрадь кончена 10 нов<ого> мая 1923 г. в Горних Мокропсах, близь Праги. Кончена – как и начата – Сивиллой. Кончена с благодарностью и с грустью, – *эти* дома (обратно иным земным!) покидаются нелегко!»⁴.

¹ **Марина Цветаева.** Неизданное. Сводные тетради. М.: Эллис Лак. 1997, с. 326.

² **Марина Цветаева.** Неизданное. Сводные тетради, с. 172.

³ Там же, с. 148.

⁴ Там же, с. 139.

Думаю, запечатленного в этих титульных надписях (бережно, как видим, воспроизведенных при переписывании) отношения Цветаевой к своим рабочим тетрадам вполне достаточно, чтобы с лихвой оправдать предпринятое теперь аутентичное их издание. Между тем есть тому и другие причины.

Ибо, во-вторых, – и тут сошлюсь, наконец, на личный опыт – никакие выписки не способны исчерпать информацию, хранимую тетрадами и получаемую при непосредственном общении с ними. Потому что важны и датировка произведения, так или иначе оформленная, и расположение записей на странице, и последовательность стихов в тех случаях, когда в один день написано не одно, а два или три стихотворения, и разбросанные там и тут авторские нотабене, и возникающее по ходу работы над поэмой (здесь конкретно имею в виду поэму «С моря») ответвление «сюжета», впоследствии не использованное, но оставившее свой едва уловимый след в каноническом тексте, и многое другое, чего не перечислить в вынужденно кратком изложении.

Приведу один только пример. Когда я писала о книге Цветаевой «После России», то заметила, что от цикла «Сивилла», в который включены три стихотворения (два из них – лета 1922 года, одно – весны 1923-го), нити смысловой связи тянутся к стихам, написанным в промежутке между этими временными метами, обращенным к Борису Пастернаку и разрабатывающим тему встречи двух поэтов. В них Сивилла, не названная напрямую, но вполне узнаваемая благодаря сквозной символике скалы-горы-крепости, откликается на голос юного певца (Орфея). Естественно было предположить, что в трехчастный цикл потенциально заложена была идея расширения границ, а не замкнутости на первоначально заявленной в первых двух частях отъединенности Сивиллы от мира людей – с его страстями, с его «пестротой» и присущей ему парностью. Черновая тетрадь со всею вескостью подтвердила это предположение: рядом с наброском второго стихотворения обнаружился план развития темы, состоящий из девяти пунктов, пять из которых подразумевали именно встречи Сивиллы – с Фебом, с отроком и воином. План этот не включен в раздел примечаний ни в одном из изданий Цветаевой, только обращение к архиву позволило проверить напрашивающуюся догадку.

Словом, читая готовое произведение, мы можем строить более или менее обоснованные гипотезы, сверившись же с тетрадью – получаем чаще всего (приведенный пример далеко не единственный в моем опыте) однозначный ответ, переоценить значение которого для *исследования* творчества поэта, а также для понимания самого творческого *процесса* попросту невозможно. Следовательно, издание рабочих тетрадей Цветаевой – не только дань уважения и благодарной памяти, но и решительный шаг к более глубокому, научно выверенному изучению ее наследия.

На сегодняшний день известно о местонахождении 43 рабочих тетрадей Цветаевой. 42 хранятся в РГАЛИ, одна – в Пушкинском Доме. Не стоит исключать, впрочем, возможности обнаружения еще какого-то числа тетрадей, оказавшихся у частных лиц. Например, одну из них, так называемую «Красную тетрадь», Цветаева оставила Марку Слониму, спустя годы он отдал ее французскому слависту Жоржу Нива⁵, а тот, в свою очередь, подарил ее Пушкинскому Дому, точнее – передал на вечное хранение. В достаточно сжатые сроки она была обработана специалистами и издана⁶, так что теперь мы имеем доступ к разным стадиям работы Цветаевой, в частности, над статьей «Эпос и лирика современной России» и очерком «Живое о живом», а также к написанному на французском языке прозаическому тексту («Посмертный приговор»), который в этой книге впервые опубликован в переводе на русский.

И вот теперь, в самом конце 2018 года, вышел первый том, представляющий собой аутентичное издание двух (по хронологии первых) тетрадей, хранящихся в фондах РГАЛИ⁷. И, насколько можно судить и на что очень хотелось бы надеяться, это лишь начало рассчитанного на перспективу проекта, во всяком случае, следующая книга уже в работе: закончена расшифровка еще трех тетрадей – с черновиками поэмы «Молодец».

Да, они требуют самой тщательной расшифровки. Помимо зачеркнутых фрагментов текста, которые с использованием современной техники бережно восстанавливаются, помимо неразборчиво написанных слов, в расшифровке нуждается и скоропись Цветаевой. В ее черновиках слова иногда сокращены до одной-двух букв, так что порой и сама она, читая старые свои записи, вынуждена была восстанавливать смысл по контексту, по памяти и даже чисто интуитивно. Можно себе представить, какая большая работа уже проделана и какой титанический труд предстоит небольшой группе текстологов, которые взялись – чуть ли не исключительно из преданности делу – за осуществление этого проекта. Впрочем, объем и сложность даже представить трудно, если иметь в виду, что в черновых тетрадях насчитывается до 10000 страниц!

Итак, две тетради 1919–1921 годов. Обе попали в РГАЛИ одновременно, после смерти Ариадны Эфрон, которая по возвращении из ссылки не только собирала материнский архив, но и активно работала с ним, готовя публикации и отдельные издания поэзии и прозы Цветаевой.

Две тетради – две судьбы.

⁵ У него, по сведениям составителей настоящего тома, и по сей день хранится еще одна небольшая тетрадь Цветаевой с черновиком автобиографического рассказа «Чорт».

⁶ См.: **Цветаева М.** Красная тетрадь. Факсимильное издание / Сост., подгот. текста, примеч. Е.И. Лубянской, А.И. Поповой. – СПб. Издательство Пушкинского дома, 2013.

⁷ **Цветаева М.И.** Творческие тетради. Т. 1: В 2 кн. Кн. 1: Черновая тетрадь 1919 г.; Кн. 2: Черновая тетрадь 1919–1921 гг. / Подгот. текстов Е.И. Лубянской, Ю.И. Бродовской, и Е.Б. Коркиной; сост., вступит. статья, примеч., и приложения Е.И. Лубянской и Ю.И. Бродовской. – СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2018, – по 192 с., 200 ил. в каждой кн.

Одна отправилась вместе с Цветаевой в эмиграцию, побывала в Германии, Чехии, Франции и вернулась в Россию в 1939 году. Находясь за границей Цветаева неоднократно обращалась к ней при подготовке к печати целого ряда произведений, над которыми работала еще в Москве, например, пьес «Приключение» и «Фортуна», а также стихотворений, входящих в циклы «Памяти А.А. Стаховича», «Комедьянт», «Стихи к Сонечке».

Другая тетрадь по какому-то недоразумению осталась в покидаемой Москве, и Цветаева, по свидетельству дочери, до конца своих дней переживала ее пропажу, а пьеса «Каменный Ангел», работа над разными вариантами которой велась в ней, не только не была издана прижизненно, но и долгое время спустя считалась безвозвратно утраченной. Попала она к А. Эфрон только в 1966 году. О перипетиях судьбы этой тетради – на основе архивных же материалов – рассказано во вступительной статье, Приложении и в комментариях.

История ее пропажи и возвращения настолько запутана и драматична, что стоит, полагаю, вкратце воспроизвести ее. По одной версии, которой составители нынешнего издания отдают решительное предпочтение, после отъезда Цветаевой за границу весной 1922 года, ее знакомый А.С. Балагин (поэт, актер, сценарист, драматург), разбирая брошенные в московской квартире цветаевские бумаги, обнаружил среди них эту тетрадь и сохранил ее. В 1935 году жена Балагина М.И. Кузнецова-Гринева (она близко дружила с Сергеем Эфроном, знакома была и с самой М. Цветаевой), в момент острой материальной нужды, сделала неудавшуюся (судя по всему, не удалось договориться об устраивающей обе стороны цене) попытку продать рукопись в Гослитмузей. В 1941-м при аресте Балагина в его квартире был произведен обыск – с изъятием коллекции книг и марок. Тетрадь Цветаевой тогда чудом уцелела. После смерти Балагина (1942) единственной хранительницей рукописи осталась Кузнецова-Гринева. В 1963-м она сделала еще одну попытку продать тетрадь, об этом узнала Ариадна Эфрон и попросила тетрадь для работы – в то время готовился том Цветаевой для «Библиотеки поэта». Сначала она получила лишь фотокопию пьесы «Каменный Ангел» и лишь позже, после обмена письмами с Гриневой (переписка эта дана в Приложении) в ее руки попала, наконец, тетрадь матери – на временное пользование с последующей передачей в гос. архив.

Сама Ариадна Эфрон считала, однако, что тетрадь попала к Балагину каким-то другим путем – то ли взял почитать и не вернул, то ли просто украл. Ибо, как писала она Анастасии Цветаевой уже в 1966 году: «Рукописи (единственной) она (М. Цветаева. – Т.Г.) ему не дарила; при отъезде ее он не присутствовал (чтобы «подобрать с полу»). Рукописи ее, в каком бы смятении она ни находилась, увезены были ею в образцовом порядке; оставлены были 1) дубликаты, 2) ранние, считавшиеся ею

слабыми – вещи. «Каменный Ангел» к этим разрядам не принадлежал (порядковый № тетради говорит о том, что тетрадь должна была быть увезенной; все остальные (в архиве) тетради носят порядковые №№)»⁸.

И еще ее, конечно же, возмущала сама мысль о том, что рукопись сделалась предметом купли-продажи. О чем – в том же письме: «Я удивлена стремлением Марии Ивановны (Гриневой. – Т.Г.) продать вещь, носящую порядковый № маминого архива; предположим даже, что Балагин ее не украл! Что она чудом попала в эти руки! То, что М.И. Гринева – друг папы, приятельница мамы, нуждается в специальном питании и поэтому продает Цветаевскую рукопись – для меня не объяснение. Я понять не могу. Так же, как и то, что эта рукопись оставалась неизвестной никому около полувека. Под спудом <...> Разве рукопись МЦ для друга МЦ – частная собственность, предмет торговли? Дешево оценили! – а разве у этого – цена в рублях, и разве с этого – наешься? Во сколько бы ни оценили: разве это товар? <...> Еще раз поймите: я не о том, что рукопись надо было отдать мне, хотя и была бы счастлива этому («меня» тут нет, есть архив). Я о том, что рукопись – тем более уж во всяком случае не купленную, именно рукопись МЦ, именно М.И. Гринева не должна была продавать»⁹.

Остается добавить, что, несмотря на вполне понятное негодование, «А. Эфрон успела дважды выплатить по 50 рублей»¹⁰ Гриневой, о чем, со слов А. Цветаевой, сообщает Е.И. Лубяникова. Правда, обеими сторонами эта дань воспринималась не как прямая плата за тетрадь, а как добровольная помощь Ариадны Эфрон оказавшейся в затруднительных финансовых обстоятельствах Гриневой.

И чтобы поставить последнюю точку в этом сюжете, скажу, что тетрадь, которая семнадцать лет кочевала вместе с ее владелицей по странам, городам, предместьям и деревням, неоднократно переселялась из одного скромного, а то и убогого жилища в другое, сохранилась гораздо лучше, чем та, которая не покидала пределов Москвы, но находилась в чужих руках. Такой вот штрих, пришедший с совершенно неожиданной стороны, чтобы лишний раз удостоверить исключительную бережность Цветаевой к рукописям.

Как следует из вышеприведенной «истории», благодаря богатому, по крупицам собранному, в высшей степени осмысленному научному аппарату издания, читатель получает полное представление не только о текстовом составе тетрадей, но и о внешних событиях, связанных с ними. А поскольку издание рассчитано не на широкого, и уж точно не на случайного читателя, но на людей, давно и преданно посвятившихся изучению Цветаевой, то в

⁸ Цветаева М.И. Творческие тетради. Т. 1: В 2 кн. Кн. 2: Черновая тетрадь 1919–1921 гг., с. 165.

⁹ Там же, с. 166.

¹⁰ Цветаева М.И. Творческие тетради. Т. 1: В 2 кн. Кн. 1: Черновая тетрадь 1919 г., с. 156.

связи с этим сюжетом не могут, полагаю, не вспомниться ее слова: «Для меня нет ни одной *внешней* вещи, всё – сердце и судьба»¹¹.

Обратимся, однако, к самим текстам, которые в результате профессиональной расшифровки *впервые* в полном объеме становятся доступными для исследователей. Впервые, потому что черновики очень трудны для прочтения, тем более для качественного прочтения. Так что же открыли нам эти тексты уже сейчас, когда с момента издания прошло меньше полугода?

По завершении работы, но еще до выхода тома в свет, составители писали о «любопытных открытиях», остановившись, в частности, на одном из них. В первой тетради были обнаружены черновые варианты двух стихотворений, с одинаковой первой строкой («Пригвождена к позорному столбу»), датированные Цветаевой в белой тетради 1918–1920 годов весной 1920 года и обращенные к художнику Н.Н. Вышеславцеву, с которым она тогда же и познакомилась. Однако наброски к стихам, которые, как выяснилось, относятся к весне 1919 года, говорят о том, что в ранней редакции они были обращены к Ю.А. Завадскому и принадлежат к периоду увлечения Цветаевой театром и студийцами¹².

«Любопытным открытием» можно считать и то, что на страницах первой книги вводится в научный оборот полный текст «Письма» о Завадском (найденно на с. 80–81 рукописи), которое в сокращенном и несколько измененном виде Цветаева много позже (1925 г.) включила в очерк «О любви», дав ему название «Письмо о Лозэне»: параллельно приведенные в Приложении тексты двух «Писем» дают возможность сравнить более позднюю редакцию с ранней и заметить особенности авторской переработки исходного текста.

Далее: становится, наконец, возможным проследить процесс работы над стихами циклов «Комедьянт», «Памяти А.А. Стаховича», «Стихи к Сонечке», пьесами «Фортуна», «Приключение», «Феникс», сравнить ранние варианты с каноническими текстами, понять ход мысли автора от замысла до окончательного его воплощения.

Особенно это касается четвертой пьесы – «Каменный Ангел», той самой, что десятилетиями считалась безвозвратно утраченной, потом была найдена и напечатана и только теперь раскрывает всю историю своего создания. Как оказалось, первоначально она задумывалась как прозаическая вещь в семи письмах с предполагаемым названием «Колодец Святого Ангела». От этого замысла сохранилось лишь недописанное первое письмо, в котором лирическая героиня обращается к некому «бесстрастному» адресату, прототипом которого, очевидно, является Ю.А.

¹¹ Марина Цветаева. Собр. соч. в 7-и т. М.: Эллис Лак. 1964-1965. Т. 7, с. 688.

¹² См: Лубяникова Е.И., Бродовская Ю.И. Черновые тетради М.И. Цветаевой 1919–1921 годов // Вестник РГНФ, 2016, 1 (82). С. 111–126.

Завадский – в те поры актер студии Вахтангова.

Вот фрагменты начального наброска: «Итак, решено: мы будем любить друг друга ангельской любовью. Ангелы бесстрастны и бесполезны. Вы бесстрастны, я бесполезна, мы встретились у колодца Святого Ангела <...> Прекрасный старый Бог – для меня он червонный король и дедушка – смотрит с розовых своих облаков на Вас и на меня и благословляет нашу встречу, встречу женщины, которая будет ангелом, с ангелом, который был человеком. Это Бог Вас послал, я в это твердо верю (тверже, чем в существование Бога!)»¹³.

Следом за этим письмом в тетради появляется развернутый план пьесы с тем же названием. И тут Цветаева сразу же отказывается от откровенно заявленной личностной окраски: на смену легко узнаваемым лицам приходят вымышленные герои. Теперь главные конфликтующие герои – колдунья (впоследствии – «Венера, во образе колдуньи») и бесстрастный Ангел. На этом этапе предполагалось, что победа достанется колдунье-Венере: с помощью приворотного зелья она заставляет Ангела испытать земную любовь. Однако непосредственно после изложения пятой, последней, картины идет новый план, а за ним и черновой вариант пьесы с изменившимся составом действующих лиц и известным по каноническому тексту сюжетом, где победа остается за высокими чувствами, а козням Венеры приходит бесславный конец. Такое радикальное переосмысление исходного замысла говорит о том, что ни при каких обстоятельствах, ни с какими оговорками (колдунья выведена, мягко говоря, малосимпатичной) Цветаева, написавшая два года спустя едко-ироничную «Хвалу Афродите», взять в союзницы Венеру не захотела бы и, в конечном итоге, не смогла.

Интересно заметить, что в окончательной редакции пьесы появляется уводящее от первоначального замысла посвящение (« – Сонечке Голлидэй – Женщине – Актрисе – Цветку – Героине.»), но следом, как последний кивок в сторону ненаписанных «семи писем», как намек на того, «бесстрастного», адресата, – эпитафией идут строки цветаевского стихотворения «Бог согнулся от заботы»:

*Оттого и плачу много,
Оттого –
Что влюбила больше Бога
Милых ангелов его.*

Такое вот самозамыкание круга. А ведь вполне могло показаться, что творческий поиск далеко и бесповоротно увел от первого, оборванного на полуслове текстового наброска.

Не составило бы труда назвать еще несколько «любопытных открытий», но важнее все же другое: они будут множиться сами, по мере того

¹³ Цветаева М. И. Творческие тетради. Т. 1: В 2 кн. Кн. 1, с. 128.

как специалисты по творчеству Цветаевой будут погружаться в этот новый, оживший в двух первых книгах проекта «Творческие тетради» мир.

В заключение два слова – совсем из другой области. Издание «Черновых тетрадей» Цветаевой очень малотиражное, всего 300 экземпляров. В продажу оно не поступит, предполагается только рассылка по библиотекам. По доброй воле составителей, один экземпляр оказался в Ереване. Познакомиться с этими уникальными и по содержанию, и по оформлению книгами можно в библиотеке Академии наук Армении.

Ключевые слова: *Цветаева, архив, рабочие тетради, произведение, творческий процесс, научное издание*

SUSՅԱՆԱ ԳԵՎՈՐԳՅԱՆ – Մարինա Յվետանայի ստեղծագործական տետրերի մասին – Հոդվածում հեղինակը ներկայացնում է Մարինա Յվետանայի արխիվում պահպանվող նյութերի ուսումնասիրության և հրատարակման արդյունքները: Հոդվածագիրը մանրամասն վերլուծում է հատկապես վերջին արժեքավոր գիտական հրատարակությունը (1918), որում տեղ են գտել սևագիր աշխատանքային տետրերը: Դրանք շատ կարևոր նշանակություն ունեն բանաստեղծուհու ստեղծագործության ուսումնասիրության, ինչպես նաև ստեղծագործական գործընթացը հասկանալու համար: Այդ հրատարակությունը (երկու գրքով) ներկայացնում է 1919 թ. և 1919-1920 թթ. սևագիր տետրերը և սկիզբ է դնում «Ստեղծագործական տետրեր» հեռանկարային նախագծին՝ ընդգրկելով ստեղծագործության տարբեր փուլերի նյութերը: Հեղինակը համոզիչ օրինակներով ապացուցում է, թե ինչպես է հետազոտողին օգնում տետրերում պահպանված բազմաբովանդակ նյութը:

Բանալի բառեր – *Յվետանա, արխիվ, աշխատանքային տետրեր, ստեղծագործություններ, ստեղծագործական գործընթաց, գիտական հրատարակություն*

TATYANA GEVORKYAN – Concerning Marina Tsvetaeva’s Creative Workbooks. – The paper presents the results of the work on the publication of materials from Marina Tsvetaeva’s archive, available at the moment. It is focused on the last (1918) valuable scientific edition of the draft workbooks having a fundamental importance for the research of the poetess’s creation, as well as the comprehension of her creative process. The mentioned edition in 2 volumes presents draft workbooks from 1919 and 1919-1921, with the prospect of making it the first part of “Creative Workbooks” project which shall gather materials from different phases of creation. The author brings convincing examples from her own experience, highlighting how the information contained in workbooks contributes to research.

Key words: *Tsvetaeva, archives, workbooks, works, creative process, scientific edition*

Поступление: 03.09.2019

Рец.: 21.09.2019

Принято к печати: 05.12.2019